

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 703-713
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.703

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Analysis of the Personnel Policy of the Imperial Authorities in Relation to the Atamans of the Don Cossacks (1848–1917)

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the personnel policy of the imperial authorities in relation to the atamans of the Don Host of non-Cossack origin. From 1848 to 1917 the post of Don ataman was occupied exclusively by generals of the regular army. Although in recent decades their figures have begun to attract the attention of researchers, the personnel policy of the imperial government in relation to them has not yet been analyzed.

The article shows that usually lieutenant generals aged 48 to 56 years were appointed Don atamans (11 cases out of 13). At the same time, their previous activities could be completely different: among the atamans there are both cavalymen and infantrymen, both people with administrative experience, and people who are completely deprived of it. The author comes to the conclusion that the personnel policy of the imperial government gradually degraded. Initially, only cavalymen with administrative experience, either already serving in the region or being popular figures of the imperial scale, were appointed as Don atamans. However, then, from the turn of 1860-1870, the position of the Don ataman began to be interpreted as an ordinary lieutenant general vacancy, and any lieutenant general was appointed to it, up to an infantryman without administrative experience. In addition, if for the XIX century long atamanships were characteristic, allowing the ataman to engage in long-term projects, then in the XX century the imperial authorities begin to constantly change atamans, preventing them from incorporating into the local elite or showing themselves, with the exception of one case.

Keywords: Don Cossacks, Don atamans, atamans of non-Cossack origin, personnel policy, Russian Empire.

1. Введение

Одной из интереснейших, но далеко недостаточно изученных проблем истории Российской империи является кадровая политика центральной власти. Некоторые сюжеты, связанные с этой темой, вызывают стойкий интерес историков: например, в полном соответствии с современными тенденциями развития историографии целый ряд текстов повествует о допуске женщин к службе в государственных учреждениях имперской России (Гарбуз, 2009; Жаров, 2015; Veremenko, 2020). В то же время обобщающих работ, посвященных логике и обоснованиям имперской кадровой политики в целом, до настоящего времени не существует, и многие значимые сюжеты не только не изучены, но и даже не воспринимаются научным сообществом как важные.

Одним из таких сюжетов является назначение правителей регионов Российской империи, губернаторов, генерал-губернаторов, казачьих атаманов, наместников и т.д. В советский период эта тема по понятным причинам глубоко не разрабатывалась: царские чиновники и по идеологическим, и по методологическим соображениям плохо подходили на роль главных героев исторических

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

исследований, посвященных преимущественно прогрессивным классам и массам. В 1990–2010 гг. вышло множество качественных исследований о региональных чиновниках совершенно различного уровня, однако в них чаще всего рассматривается жизнь и деятельность отдельных персоналий. Исключение составляют работы справочно-энциклопедического характера, описывающие всех правителей определенного края (Алексушкин, 1996; Семенов, Семенова, 1999). Однако в подобных работах именно имперская кадровая политика, системная логика назначения губернаторов обычно не рассматривается.

В данной статье предпринята попытка проанализировать логику назначений донских атаманов с 1848 г., когда на эту должность стали назначаться офицеры регулярной армии (т.е. не казаки) до 1917 г., когда погибла Российская империя. Как нам представляется, именно донских атаманов этого периода следует рассматривать отдельно, не объединяя ни с атаманами прочих казачьих войск, ни с российскими генерал-губернаторами. Дело в том, что в общую систему имперских должностей должность донского атамана была окончательно вписана только в 1868 г., причем донской атаман получил по гражданской части права генерал-губернатора, а по военной – командующего войсками в военном округе (Волвенко, 2017: 173). Это поставило его значительно выше атаманов прочих казачьих войск, не имевших статуса ни генерал-губернаторов, ни командующих военным округом. Так, например, Кубанское казачье войско с момента своего создания в 1860 г. было только частью Кавказского военного округа, которым руководил наместник/главноначальствующий на Кавказе, а Оренбургское казачье войско с 1865 г. вообще было введено в состав Оренбургской губернии, губернатор которой с этого времени по совместительству был и оренбургским атаманом. Таким образом, если в других казачьих войсках во второй половине XIX в. атаманы фактически имели статус губернаторов Российской империи, а в военном отношении подчинялись командирам военных округов, то донской атаман был генерал-губернатором, а Войско Донское (напомним, что оно было старейшим и крупнейшим из казачьих войск, что логично объясняет подобный статус его руководителя) технически представляло собой отдельный военный округ. Таким образом, должность донского атамана была уникальна для Российской империи и ее следует рассматривать отдельно от менее статусных должностей атаманов других казачьих войск.

Кем же были донские атаманы 1848–1917 гг.? Что известно о логике и принципах их назначения? Насколько вообще имперская кадровая политика в данном случае была логична и оправдана? На эти вопросы мы и постараемся ответить ниже.

2. Материалы и методы

Первые тексты о донских атаманах неказачьего происхождения были написаны еще в XIX в. Особое значение имела статья известного краеведа и либерального журналиста А.А. Карасева, который попытался дать объективную характеристику всем атаманам за 50 лет, с 1848 по 1898 гг. (Карасев, 1899). Тем не менее атаманы-неказаки донских авторов интересовали мало, и, помимо текста А.А. Карасева, они сколько-либо подробно описывались всего в одной обзорной работе, причем носящей публицистический характер: в «Описи войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.)» депутата Государственной Думы А.И. Петровского (Петровский, 1916). Тем более не было значимых исследований, посвященных отдельным атаманам (один из известнейших донских историков-любителей, Х.И. Попов, написал статью о покровительствовавшем ему атамане Н.И. Святополк-Мирском, но она так и не была опубликована) (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1452. Л. 1-8). О кадровой политике Российской империи, о причинах назначения тех или иных атаманов на Дон в донской дореволюционной историографии специально не писали (за исключением приведения непроверяемых слухов в некоторых публицистических текстах). Сведения на этот счет так и остались разбросанными в различных текстах мемуарного и дневникового характера, а также в архивах.

В советский период донские атаманы неказачьего происхождения, подобно большинству чиновников Российской империи, внимания исследователей не привлекали. Только в 1998 г. вышла статья Р.Г. Тикиджьяна о Н.И. Святополк-Мирском, однако она не оказала серьезного влияния на донскую историографию в целом (Тикиджьян, 1998). И только в 2010 гг. о донских атаманах неказачьего происхождения начали активно писать А.А. Волвенко и А.Ю. Перетясько, в том числе и в специально посвященных им статьях (Перетясько, 2017; Volvenko, 2017). Кроме того, статью об атамане Ф.Ф. Таубе опубликовал специалист по истории казачьего национализма Б.С. Корниенко (Корниенко, 2009).

Таким образом, к настоящему времени накоплено достаточно информации и для того, чтобы с помощью контент-анализа выявить характерные для донских атаманов формальные и легко поддающиеся учету черты, и для того, чтобы с помощью сравнительного метода проследить за логикой их назначения на должность. Само развитие донской историографии подталкивает к тому, чтобы проанализировать не отдельные фигуры донских атаманов, а всю их совокупность, выделяя общие и частные черты.

3. Обсуждение и результаты

Войско Донское, в отличие от большинства имперских территорий, в 1848–1917 гг. находилось в ведении не Министерства внутренних дел, а Военного министерства. Интересно отметить, что, когда первоначально, в 1830 гг., выстраивалась юридически закреплённая четкая система подчинения донских войсковых органов имперским институтам, предполагалось применять к ним обычный порядок подчинения различным профильным министерствам, однако в 1837 г. последовал указ передать в ведение Военного министерства все вопросы строительства, капитальных расходов, а также прочие гражданские вопросы, связанные с военной службой Войска Донского (т.е. с учетом милитаризации края фактически все вопросы вообще) (Столетие..., 1902: 270). Поэтому в конечном счете войсковая администрация, в отличие от администраций прочих генерал-губернаторств, оказалась формально подчинена специальному органу при Военном министерстве, через который велась переписка всех казачьих войск с остальными имперскими институциями (название и структура этого органа неоднократно менялась, от Департамента военных поселений к Управлению/Главному управлению иррегулярных/казачьих войск, а затем к казачьему отделу Главного штаба). На практике, однако, атаманы казачьих войск, особенно Донского, тяготились опекой даже не собственно военного министра, а второстепенного подразделения Военного министерства. Нужно помнить еще и о том, что эти атаманы, по крайней мере эпизодически, получали личный доступ к императору. И вышесказанное создавало предпосылки для ситуации, которую военный министр А.Ф. Редигер описывал так: «Наказные атаманы, являясь государю, постоянно жаловались, что такие-то ходатайства их по годам не получают разрешения в Главном Управлении» (Редигер, 1999: 120). Таким образом, с одной стороны, донской атаман, как и все генерал-губернаторы, был номенклатурой лично императора, но при этом де-юре он подчинялся Военному министерству, структуры которого, как мы увидим ниже, тоже влияли на выбор атамана. Мы увидим и то, что другие имперские министерства могли влиять на назначение атамана, по каким-либо ситуационным причинам продвигая свою креатуру.

Не удивительно, что в рамках подобной сложной и непрозрачной системы часто не ясно, кто стоял за назначением того или иного генерала донским атаманом. При этом отсутствовала и практика обоснования назначений, даже секретного и внутреннего, и поэтому мы можем либо довериться неофициальным и непроверяемым высказываниям современников о причинах назначения того или иного генерала донским атаманом, либо вообще предложить собственные реконструкции. И все же определенные закономерности назначения на атаманскую должность, свидетельствующие о нарастающем управленческом кризисе в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., совершенно очевидны.

Типичный донской атаман

Нам кажется уместным привести две таблицы, в которых были бы систематизированы данные о донских атаманах неказачьего происхождения на момент их назначения. Мы решили сделать две таблицы потому, что за правление Николая II было назначено больше атаманов, чем за предшествовавшие полвека, а последний атаман предшествующего периода, Н.И. Святополк-Мирский, был снят после ходатайства донских дворян, что неизбежно должно было вызвать изменения кадровой политики правительства (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 2-60б.). Результаты наших трудов выглядят так:

Таблица 1. Данные о донских атаманах неказачьего происхождения на момент их назначения

	Год назначения	Возраст	Военный чин	Опыт
М.Г. Хомутов	1848	53	Генерал-лейтенант	Кавалерист ¹ , администратор (казачьи войска)
П.Х. Граббе	1862	73	Генерал кавалерии от	Выдающийся полководец (с опытом службы во всех родах войск и администрирования)
А.Л. Потапов	1866	48	Генерал-лейтенант	Кавалерист, администратор (вне казачьих войск)
М.И. Чертков	1868	39	Генерал-лейтенант	Кавалерист, администратор (вне казачьих войск)
Н.А. Краснокутский	1874	56	Генерал-лейтенант	Кавалерист без административного опыта
Н.И. Святополк-Мирский	1881	48	Генерал-лейтенант	Пехотинец без административного опыта

¹ Под «кавалеристами» мы подразумеваем военных, имевших серьезный опыт службы в кавалерийских частях, в том числе и тех, которые служили также и в пехоте/артиллерии.

К.К. Максимович	1899	50	Генерал-лейтенант	Кавалерист, администратор (казачьи войска)
Н.Н. Одоевский-Маслов	1905	56	Генерал-лейтенант	Кавалерист без административного опыта
А.В. Самсонов	1907	48	Генерал-лейтенант	Кавалерист без административного опыта
Ф.Ф. Таубе	1909	52	Генерал-лейтенант	Пехотинец, администратор (казачьи войска)
П.И. Мищенко	1911	58	Генерал от артиллерии	Кавалерист, администратор (казачьи войска)
В.И. Покотило	1912	56	Генерал-лейтенант	Пехотинец, администратор (казачьи войска)
М.Н. Граббе	1916	48	Генерал-лейтенант	Кавалерист без административного опыта

Таким образом, мы совершенно четко видим, что донскими атаманами назначались генерал-лейтенанты регулярной армии (11 из 13) в возрасте от 48 до 56 лет (11 из 13). А вот что касается их опыта на момент назначения на должность, то тут ситуация была куда более разнообразной. В целом можно считать, что чаще всего донскими атаманами становились кавалеристы с административным опытом (6 из 13, считая и П.Х. Граббе), несколько реже кавалеристы без административного опыта (4 из 13, считая и А.В. Самсонова), еще реже пехотинцы с административным опытом (2 из 13) и всего в одном случае был назначен пехотинец без административного опыта. На первый взгляд подобный подход демонстрирует системную правительственную политику в выборе кандидатов на должность донского атамана и может даже показаться, что приоритет при назначении на эту должность сознательно отдавался кавалеристам с административным опытом. Однако в действительности 4 из 6 кавалеристов-администраторов шли подряд друг после друга в начале интересующего нас периода. В 1874–1917 гг., напротив, только два донских атамана были кавалеристами-администраторами, причем суммарное время их правления составляет всего около 7 лет! Поэтому нам кажется более перспективным предельно кратко пройти по списку донских атаманов, уточняя причины их назначения на должность и выявляя закономерности.

Долгие атаманства (1848–1899)

Прежде всего, оговорим, что для этого периода длительные сроки атаманств характерны не случайно. Как правило, назначение на атаманскую должность служило высшей точкой и завершением карьеры, и с нее уходили в полную отставку или на почетную, но малозначащую должность члена Государственного Совета. Исключение составили только самые молодые атаманы, М.И. Чертков (позднее Киевский и Варшавский генерал-губернатор) и А.Л. Потапов (Виленский генерал-губернатор и начальник Третьего отделения). Кстати, третий сравнительно молодой атаман, Н.И. Святополк-Мирский, пробыл в должности рекордный срок, почти два десятилетия. Таким образом, обычно (в 4 случаях из 6) назначение на пост донского атамана означало своеобразный «тупик» в дальнейшем продвижении по службе: с одной стороны, генерал становился правителем обширного степного края, но, с другой, если его возраст на момент назначения превышал 50 лет, он мог быть уверен, что уйти с должности он сможет только де-факто или де-юре на пенсию. Это тоже представляется нам логичным: Донское войско было крупнейшим казачьим войском, и собственно по линии администрирования казачьих территорий дальнейшее продвижение по служебной лестнице с должности донского атамана было уже невозможно. И логично, что большинство атаманов в этих условиях, с учетом солидного возраста назначения, удерживались в должности до окончания активной карьеры. И все же внутри этого периода четко выделяются четыре этапа, демонстрирующие сперва девальвацию атаманской должности, а затем управленческий кризис в Российской империи.

А) Атаманы из начальников штаба Войска Донского (1848–1862)

Строго говоря, единственным донским атаманом неказачьего происхождения, занимавшим до назначения вторую по статусу должность в войске – начальника войскового штаба – был М.Г. Хомутов. Интересно, что он же, по мнению младших современников, был лучшим администратором в ряду атаманов неказачьего происхождения. Вот что писал на этот счет донской земец и краевед А.А. Карасев: «Это был «маленький» Петр Великий для донской земли, где до сих пор еще не стертые резкие следы его разнообразной и кипучей деятельности. <...>. Преемники Хомутова, как практические деятели, отстают от него на далекое пространство» (Карасев, 1899: 107–108). А.А. Петровский, либеральный депутат Государственной Думы начала XX в., обвиняя М.Г. Хомутова в самодурстве и коррупции, в то же время признавал, что последний «администратор и хозяин был отменный» (Петровский, 1916: 15–16). Хотя прямых доказательств этого нет, судя по всему, уже назначение М.Г. Хомутова на должность начальника штаба при старом М.Г. Власове, последнем в имперской России донском атамане-казаке, делалось с перспективой его дальнейшего продвижения на атаманскую должность. Во всяком случае, в окружении Николая I имели

распространение идеи о необходимости отмены прежней практики назначения атаманов-казаков. Наставник цесаревича, будущего императора Александра II, В.А. Жуковский во время посещения царской семьей Новочеркасска даже записал в дневнике: «Власов с предрассудками и упрямством. Хорошо дать атамана русского» (Жуковский, 2013: 82). И реализация подобных идей прошла вполне успешно: к моменту смерти М.Г. Власова М.Г. Хомутов укоренился в среде донской элиты, стал для нее «своим», вследствие чего процесс трансфера атаманской власти от казаков к офицерам регулярной армии пошел почти незаметно и без серьезного недовольства снизу.

Более того, имперские власти и для замены самого состарившегося М.Г. Хомутова изначально планировали использовать аналогичную практику. В 1859 г. на Дон был переведен генерал-майор А.М. Дондуков-Корсаков, вскоре получивший чин генерал-лейтенанта и должность начальника войскового штаба. Сразу же по прибытии в Новочеркасск многие начали рассматривать его в качестве преемника М.Г. Хомутова (Карасев, 1908: 18). Однако А.М. Дондуков-Корсаков, сам уверенный в будущем назначении атаманом, заигрывал с местной элитой и встал в открытую оппозицию к Военному министерству (рукописи его критической записки, адресованной имперским властям, распространялись по Новочеркаску) (Volvenko, 2015: 22-33). В итоге его кандидатура на атаманскую должность стала неприемлемой, и имперские власти оказались поставлены перед необходимостью срочно искать нового атамана за пределами Войска Донского, в котором возобладала оппозиция по отношению к имперским властям.

Б) Атаманы из имперской элиты (1862–1868)

В этих условиях лично Александр II неожиданно предложил на пост донского атамана престарелого П.Х. Граббе (Volvenko, 2017: 36). Как видно из опубликованных выше таблиц, этот генерал в наибольшей степени выделялся из ряда донских атаманов неказачьего происхождения как возрастом (73 года), так и высоким чином (генерал от кавалерии). Что еще важнее, он уже мог считаться живой легендой: участник войны 1812 г., руководитель штурма неприступного прежде аула Ахульго в ходе Кавказской войны, он, бесспорно, был единственным выдающимся полководцем из рассматриваемых нами донских атаманов (в некотором роде ему могли составить конкуренцию атаманы начала XX в., А.В. Самсонов и П.И. Мищенко, но эти боевые генералы, командовавшие армиями и корпусами на поле боя, вошли в историю не победами, а поражениями: армия первого была разгромлена в Восточной Пруссии в 1914 г., а второй руководил неудачным набегом на Инкоу в 1904–1905 гг.). Поэтому кажется обоснованным мнение А.А. Волвенко, согласно которому имперские власти, удаляя с Дона популярного А.М. Дондукова-Корсакова, рассматривавшегося местной элитой в качестве следующего атамана, осознанно заменяли его максимально авторитетной фигурой «престарелого, умудренного жизнью и опытом, покрытого славой Кавказской войны и широко известного казакам генерал-адъютанта П.Х. Граббе» (Волвенко, 2014: 16).

Однако П.Х. Граббе продолжил начатый А.М. Дондуковым-Корсаковым компромисс местной администрации с местной элитой, даже допустив выборных представителей от станиц до разработки казачьего законодательства (Volvenko, 2017: 36). В итоге сложилась крайне сложная ситуация: с одной стороны, П.Х. Граббе в качестве донского атамана быстро перестал устраивать имперские власти, но, с другой – его замена в сложившихся условиях могла вызвать новый всплеск недовольства в казачьей среде. Не удивительно, что в качестве его преемников изначально рассматривались не менее знаковые в русской истории фигуры: так, в 1864 г. от предложения стать донским атаманом отказался Н.Н. Муравьев-Амурский (Volvenko, 2017: 36).

В итоге, однако, найти на замену П.Х. Граббе столь же знакового и популярного деятеля не удалось, и трансфер власти от ставшего неудобным атамана был осуществлен уникальным способом, никогда больше в донской истории не практиковавшимся. На какое-то время атаманская должность была разделена: П.Х. Граббе в 1865 г. был дарован статус войскового атамана с правами генерал-губернатора, а осуществляющим непосредственное управление краем наказным атаманом был назначен чиновник имперского масштаба, но отнюдь не пользующийся популярностью, бывший начальник штаба корпуса жандармов А.Л. Потапов (Волвенко, 2017: 113). Очевидно, последний сразу рассматривался в качестве следующего полноценного донского атамана, т.е. произошел возврат к практике предварительного назначения будущего атамана на Дон, чтобы он подготовил местные элиты к своему назначению. Однако если М.Г. Хомутов и А.М. Дондуков-Корсаков искали компромисс с казаками и в итоге стали «своими» для новочеркасского общества, то А.Л. Потапов, напротив, использовал силовые методы, быстро подавив возможную оппозицию своему назначению. Характерно, что А.А. Карасев описывал его как человека «не выносившего противных мнений» и запомнившегося уничтожением выборности донских чиновников, после чего власть донского атамана стала единоличной (Карасев, 1899: 110). Всего за год новый наказной атаман достаточно сломил донскую оппозицию, чтобы почетная должность войскового атамана была упразднена, П.Х. Граббе отправлен в отставку, а права генерал-губернатора на донской земле получил А.Л. Потапов лично (т. е. изначально они были даны донскому атаману только до тех пор, пока на этой должности находится А.Л. Потапов) (Волвенко, 2017: 113-114).

В) Атаманы-ординарные кавалерийские генералы (1868–1881)

К 1868 г. ситуация на Дону сильно успокоилась. А.Л. Потапов, по свидетельству современников, вообще отзывался о Новочеркасске как о «земном рае» (Валуев, 1961: 248). Между тем освободилась должность виленского генерал-губернатора, на которую рассматривалась кандидатура М.И. Черткова, бывшего кавалерийского и пехотного офицера, затем губернатора и помощника виленского генерал-губернатора (Валуев, 1961: 248). Но и начальник Третьего отделения П.А. Шувалов, и министр внутренних дел П.А. Валуев выступили резко против, очевидно, считая М.И. Черткова не соответствующим этой должности (Валуев, 1961: 248) (П.А. Валуев и прежде отзывался о М.И. Черткове как о человеке, не обремененном особыми талантами (Валуев, 1961: 179). В итоге была осуществлена своеобразная рокировка: виленским генерал-губернатором назначили А.Л. Потапова, а в «земной рай» Новочеркасска был направлен М.И. Чертков, получивший уже не лично, а по должности права генерал-губернатора.

Собственно говоря, с этого момента и представляется возможным говорить о девальвации должности донского атамана. Как мы видели выше, первые три донских атамана казацкого происхождения уже на момент назначения имели в среде местной элиты влияние и авторитет (М.Г. Хомутов и А.Л. Потапов заработали это влияние на других должностях в войсковом правлении, а П.Х. Граббе пользовался высоким авторитетом среди всего русского офицерства, включая казацкое). Кроме того, М.Г. Хомутов к моменту своего назначения много лет прослужил на Дону, став не просто региональным, но донским чиновником, а П.Х. Граббе и А.Л. Потапов вообще относились к чиновникам не регионального, а имперского уровня. Назначение же М.И. Черткова, к тому же сразу оказавшегося неприемлемым для донской элиты из-за еврейки-жены (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1-5), наглядно показало, что теперь имперские власти считают возможным ставить на атаманскую должность не имеющих никакого влияния на казаков ординарных генералов, никогда на Дону не служивших и ничем не проявивших себя на имперском уровне.

Тем не менее, по мнению А.А. Карасева, М.И. Чертков оказался очень неплохим атаманом на фоне многих своих предшественников и преемников и даже мог бы в других условиях стать «выдающимся руководителем», благодаря «опыту губернаторской деятельности», «свежему уму» и «хорошей памяти» (Карасев, 1899: 110-111). Хотя А.А. Карасев и обвинял атамана в коррупции, он признавал, что М.И. Чертков много сделал для донского края, и подчеркивал, что Александр II в высочайшем рескрипте признал деятельность этого атамана «выдающейся» (Карасев, 1899: 111).

Однако как раз наметившаяся при назначении М.И. Черткова девальвация атаманской должности сыграла затем крайне негативную роль в истории донского казачества. Когда М.И. Чертков, уставший от сплетен и анонимок в адрес своей семьи (одна из этих анонимок даже сохранилась в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1-5), по собственному желанию ушел с атаманской должности, его преемником стал Н.А. Краснокутский. К сожалению, деятельность этого атамана почти не изучена. И абсолютно не ясно, по каким причинам на атаманскую должность впервые был назначен кавалерийский генерал вовсе без административного опыта. Современники даже шутили, будто бы он «взял был прямо с коня» (Карасев, 1899: 112). Поэтому не удивительно, что при нем реальная власть в регионе перешла к помощнику атамана по гражданским делам, генерал-майору Н.А. Маслаковцу (Петровский, 1916: 20). В отличие от ситуаций с М.Г. Хомутовым, А.М. Дондуковым-Корсаковым и А.Л. Потаповым, когда власть переходила от действующего атамана его будущему преемнику, подготавливаемому к этой должности по воле имперских властей, в данном случае реальное управление краем ситуационно оказалось в руках человека, занимающего относительно незначительную административную должность, в качестве будущего атамана никем не рассматриваемого, но просто оказавшегося способным управлять Донским войском при некомпетентном атамане. И с этого момента до самого конца периода долгих атаманств (т.е., в 1874–1899 гг.) будет сохраняться ситуация, когда донским краем фактически правил тандем из неопытного в административных делах атамана и его помощника по гражданской части. Если в случае с Н.А. Краснокутским и Н.А. Маслаковцем подобный тандем работал относительно неплохо, то в дальнейшем эта система привела к катастрофе, и в этом нет ничего удивительного: сама ситуация, когда править огромным и крайне специфичным краем назначался априори не способный к этому строевой генерал, а реальные бразды правления оказывались в руках другого чиновника, который, однако, де-юре ответственности за происходящее в Донском войске не нес, была крайне нездоровой.

Г) Атаманы-ординарные пехотные генералы (1881–1899)

Этот период включает правление всего одного человека, князя Н.И. Святополк-Мирского, составившее, однако, целую эпоху на Дону. Назначение Н.И. Святополк-Мирского было, на наш взгляд, абсурдным и продемонстрировало полную деградацию кадровой политики имперских властей: во главе Донского войска оказался поставлен пехотный строевой генерал, не имевший ни минимального административного опыта, ни знания особенностей российской кавалерии. Кроме того, он словно доводил до предела негативные качества своих предшественников. Н.И. Святополк-Мирский был настолько равнодушен к делу управления краем, что добился специального закона,

по которому председательство в гражданских учреждениях области Войска Донского осуществлялось не атаманом, а его помощником по гражданской части (Карасев, 1899: 113). Зато коррупция при нем достигла огромных масштабов, которые маскировались самым наивным образом: например, «добровольные подношения» делались не атаману, а его жене (Усова). Наконец, в последние годы правления атаман вообще откровенно проявлял больший интерес к купленному им Мирскому замку, чем к управлению донским краем (Скорик, 2015: 78).

Современные историки склонны объяснять назначение Н.И. Святополк-Мирского его близостью к царской семье и преданностью престолу (Волвенко, 2017: 119). Однако Е.П. Савельев в стихотворном памфлете «Волк на воеводстве», где под образом Волка подразумевался донской атаман, доказывал, будто бы последний получил под управление богатый край лестью и угодничеством (Донской..., 1910: 92-93). В любом случае правление Н.И. Святополк-Мирского закончилось полной катастрофой. Если в 1880 г., пока его помощниками по гражданской части были высоко оценивавшиеся современниками Н.А. Маслаковец (Григорович, 1911: 262-266) и А.Ф. Поляков (Донцы..., 2003: 386-387), ситуация оставалась относительно стабильной, то в 1890 г. началось стремительное обеднение донского казачества. Так, с 1894 по 1899 г. доля казаков-призывников, имеющих право на льготу (преимущественно по бедности), выросла с 5 до 26 % (Маслаковец, 1899: 11). Быстро росли и долги казаков в станичные суммы, превысившие к 1898 г. 1 000 000 руб., при том, что эти долги выбивались крайне жестко, даже посредством продажи имущества с молотка и долгосрочной принудительной сдачи в аренду казачьих паев (Маслаковец, 1899: 43). Однако перед вышестоящим начальством Н.И. Святополк-Мирский старался создать радужную картину своей деятельности, и в 1898 г. прямо отказался передавать императору ходатайство донских дворян о необходимости создания специальной комиссии для уяснения причин обеднения казаков (Донцы..., 2003: 302-303). Тогда предводитель донского дворянства М.С. Марков в частном порядке добился аудиенции у военного министра А.Н. Куропаткина и передал ему дворянское ходатайство, после чего Н.И. Святополк-Мирский был срочно снят с должности и назначен членом Государственного совета (Донцы..., 2003: 302-303).

Короткие атаманства (1899–1917)

В годы правления Николая II меняется само отношение к должности войскового атамана. Если за предыдущие 51 год сменилось 6 атаманов (средний срок правления атамана 8,5 лет), то теперь за 18 лет сменяется 7 атаманов (средний срок правления атамана 2,6 лет). И почти все они продолжают свою карьеру после ухода с атаманской должности (за исключением умершего на атаманском посту Ф.Ф. Таубе и сметенного революцией М.Н. Граббе). Таким образом, из вершины и завершения карьерного пути должность донского атамана превращается в ординарную должность для генерал-лейтенантов регулярной армии. Говорить о какой-то логике и последовательности назначений в этот период уже не приходится вовсе. Правда, А.А. Волвенко утверждает, будто бы, начиная с К.К. Максимовича (бывшего уральского атамана), все донские атаманы, кроме Н.Н. Одоевского-Маслова, имели опыт управления другими казачьими войсками (Волвенко, 2017: 120). Однако на самом деле А.В. Самсонов был назначен Туркестанским генерал-губернатором и атаманом Семиреченского казачьего войска уже после своего донского периода службы. Не имел опыта управления казачьими войсками и последний назначенный имперскими властями донской атаман, М.Н. Граббе. Таким образом, выходит, что после явно вышедшей из-под контроля ситуации с Н.И. Святополк-Мирским имперские власти сперва назначили атамана с опытом управления казачьим войском, затем двух атаманов без подобного опыта, потом снова трех с опытом и затем последнего без опыта.

Из всех донских атаманов этого периода на настоящий момент выявлены только обстоятельства назначения Ф.Ф. Таубе. Этот генерал (бывший оренбургский атаман) в 1909 г. занимал должность командира Корпуса жандармов, которая подлежала объединению с должностью товарища министра внутренних дел (Корниенко, 2013: 75). Лично П.А. Столыпин пытался убедить Военное министерство дать Ф.Ф. Таубе соответствующую его чину должность, но в этом первоначально было отказано из-за отсутствия у последнего строевого опыта на уровне выше командира полка (Корниенко, 2013: 76). Однако как раз в этот момент освободилась должность донского атамана, и подчиненная военному ведомству, и не требовавшая строевой подготовки (Корниенко, 2013: 77). Таким образом, Ф.Ф. Таубе стал донским атаманом не из-за наличия опыта управления Оренбургским казачьим войском, а из-за отсутствия в Военном министерстве других вакансий, соответствующих его чину и опыту. Поскольку в других случаях на эту должность назначались и строевые генералы, можно предположить, что в 1899–1917 гг. руководителями Войска Донского механически ставились офицеры, свободные на момент освобождения этой должности и подходящие для занятия генерал-лейтенантской вакансии. Но теперь ситуация ухудшалась еще и из-за того, что срок пребывания донских атаманов в должности был уменьшен, и только наиболее талантливые и яркие люди (едва ли не один Ф.Ф. Таубе) успевали за это время проявить себя. Остальные же просто занимали атаманскую должность, не вызывая особого интереса у современников или потомков, и поэтому даже обстоятельства их назначений остаются до сих пор не изучены.

5. Заключение

Итак, типичный донской атаман неказачьего происхождения на момент назначения был достаточно возрастным (от 48 до 56 лет) генерал-лейтенантом с опытом службы в кавалерийских частях. При этом опыт административной деятельности для него был совершенно не обязателен. Вообще, складывается впечатление, что если изначально, в 1840–1860 гг., к подбору кандидатур на атаманскую должность в правительстве Российской империи подходили достаточно серьезно, то в дальнейшем эта должность начала рассматриваться как обычная генерал-лейтенантская вакансия, на которую мог быть назначен любой отвечающий формальным признакам офицер (самым вопиющим было назначение Н.И. Святополк-Мирского, строевого пехотного генерала без административного опыта).

Серьезный подход к назначениям на атаманскую должность первоначально объяснялся еще и тем, что в XIX в. эта должность служила завершением карьеры и после нее бывший атаман или уходил в отставку, или становился членом Государственного совета (исключение могли составить самые молодые атаманы, которым еще не было на момент назначения 50 лет). В итоге атаманскую должность в XIX в. занимали очень долго: с 1848 по 1899 гг. только 2 атамана из 6 пробывали в должности менее 5 лет, зато столько же, 2 атамана из 6, пробывали в должности более 10 лет. При подобном долгом пребывании атамана в должности была оправдана неоднократно применявшаяся в 1840–1860 гг. практика назначения потенциального следующего донского атамана на должность в войсковой администрации, чтобы он ознакомился с краем и завоевал авторитет у казаков путем компромиссов с казаками или давления на местную элиту. Дополнительным плюсом этой практики было то, что не оправдавший правительственных надежд чиновник мог просто удалиться с Дона, не получив атаманскую должность. Единственным полноправным донским атаманом до 1868 г., не прослужившим предварительно в местной администрации под началом другого правителя края, стал П.Х. Граббе, выделяющийся из ряда донских атаманов и возрастом (старше 70 лет) и чином (генерал от кавалерии). Но его назначение носило экстремальный характер как раз потому, что готовившийся к должности следующего атамана на посту начальника войскового штаба А.М. Дондуков-Корсаков вступил в конфликт с Военным министерством, и остро встала необходимость срочно найти иного кандидата на атаманскую должность, уже достаточно авторитетного для казаков без предварительной службы в регионе.

Однако с конца 1860 гг. имперские власти начинают куда менее взвешенно относиться к назначению донских атаманов. Фактически, начиная с М.И. Черткова, назначенного в 1868 г., какая-либо системность в кадровой политике правительства перестает просматриваться. Уже следующий атаман, Н.И. Краснокутский (назначен в 1874 г.), становится первым донским атаманом из неказачьих, не имевшим никакого административного опыта на момент назначения. В итоге в 1870 гг. в Донском войске складывается порочная система управления, когда при откровенно некомпетентном атамане фактическое руководство войском возлагается на его помощника по гражданской части, не несущего, однако, персональной ответственности за ситуацию в регионе. В сочетании с длительностью правления атаманов эта система имела самые тяжелые последствия: как раз не имевший ни административного, ни кавалерийского опыта Н.И. Святополк-Мирский правил Войском Донским почти 20 лет, в итоге, после ухода компетентных помощников по гражданской части, нарушив экономический баланс края и доведя множество казаков до физического разорения.

Снятие Н.И. Святополк-Мирского с должности оказалось очень громким, но, как показывает позднейшая статистика донских атаманов, власти не сделали из произошедшего верных выводов. И после 1899 г. продолжают бессистемные назначения на атаманскую должность генералов, лишенных какого-либо административного опыта. Зато срок деятельности атаманов резко сокращается, и атаманская должность перестает быть завершающей в карьере. С 1899 по 1917 гг. из 7 атаманов 6 пробывали в должности менее 5 лет! В итоге атаманам, за единственным исключением, просто не удавалось раскрыть себя и начать проводить собственную сколько-либо осознанную политику.

Как мы видим, из анализа назначений на должность донского атамана в 1848–1917 гг. следует, что имперская кадровая политика, по крайней мере в казачьих войсках, в этот период не только не развивалась, но и деградировала. Если в 1840–1860 гг. кандидатура каждого нового донского атамана была логична и объяснима, а имперские власти осознанно готовили атаманов к их должности, то в дальнейшем ситуация быстро ухудшалась. С конца 1860 гг. донскими атаманами начали назначаться достаточно случайные, а с середины 1870 гг. и заведомо некомпетентные, лишенные какого-либо административного опыта люди. А в XX в. донские атаманы еще и занимали должность такой краткий срок, что не успевали даже проявить себя. Чтобы понять, затронул ли кадровый кризис только казачьи войска, Военное министерство или всю администрацию Российской империи, нужны дополнительные исследования, но пока мы можем констатировать: на самую главную должность в региональном управлении казачьими войсками, должность донского атамана, в 1848–1917 гг. назначали все более бессистемно, дойдя до абсурдной ситуации, когда назначенный атаман часто не

имел административного опыта и всегда не имел достаточного времени для реализации долгосрочных проектов, пребывая в должности 1–2 года.

Литература

- Алексушкин, 1996 – Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. 316 с.
- Валуев, 1961 – Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. II. 1865–1876 гг. М., 1961. 592 с.
- Волвенко, 2014 – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. № 3. 2014. С. 12–20.
- Волвенко, 2017 – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- Гарбуз, 2009 – Гарбуз Г.В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2009. № 2 (10). С. 22–28.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262–266.
- Донской..., 1910 – Донской литературный сборник. Вып. II. Новочеркасск, 1910. 272 с.
- Донцы..., 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Жаров, 2015 – Жаров С.Н. Особенности кадровой политики правительства Российской империи в конце XIX – начале XX веков // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2015. № 3(6). С. 83–86.
- Жуковский, 2013 – Жуковский В.А. Дневники. Записные книжки (1834–1847). М., 2013. 323 с.
- Карасев, 1899 – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- Карасев, 1908 – Карасев А.А. Донские картинки. Вып. 4. Новочеркасск, 1908. 21 с.
- Корниенко, 2009 – Корниенко Б.С. Донской атаман Ф.Ф. Таубе: превращение имперского чиновника в икону казачьего национализма // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 227–257.
- Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
- Маслаковец, 1899 – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
- Перетяцько, 2017 – Перетяцько А.Ю. «Мы ненавидим всюю силою нашего сердца рабский произвол, который царствовал во всех частях Вашего управления»: о причинах непопулярности атамана М.И. Черткова на Дону // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 48. С. 118–127.
- Петровский, 1916 – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.
- Редигер, 1999 – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. II. М., 1999. 574 с.
- Семенов, Семенова, 1999 – Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. 397 с.
- Скорик, 2015 – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Столетие..., 1902 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. 973 с.
- Тикиджьян, 1998 – Тикиджьян Р.Г. Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898) // *Донской временник*. 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (дата обращения: 11.04.2022).
- Усова – Усова Н.М. Наказной атаман Войска Донского князь Николай Святополк-Мирский – первый владелец Мира из рода Святополк-Мирских. Материалы к биографии // [Электронный ресурс]. URL: https://mir-nesvizh.com/wp-content/uploads/2016/01/usova_nakaznoj.pdf (дата обращения: 11.04.2022).
- Veremenko, 2020 – Veremenko V.A. Women in the Service of Russian Ministry of Internal Affairs (second half of the XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1202–1217.
- Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. 13(1): 19–37.
- Volvenko, 2017 – Volvenko A.A. Don Atamans of the Age of "Great Reforms" (the 1860s - 1870s) // *Russkaya Starina*. 2017. 8(1): 34–54.

References

- Aleksushkin, 1996** – *Aleksushin, G.V.* (1996). Samarskie gubernatory [Samara Governors]. Samara. P. 316. [in Russian]
- Doncy, 2003** – Doncy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]
- Donskoi..., 1910** – Donskoi literaturnyi sbornik [Don literary collection]. Vol. II. Novocherkassk, 1910. P. 272. [in Russian]
- Garbuz, 2009** – *Garbuz, G.V.* (2009). Zhenshchiny na gosudarstvennoi sluzhbe v Rossii v nachale XX v. [Women in the public service in Russia at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 2(10): 22-28. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].
- Grigorovich, 1911** – *Grigorovich, N.S.* (1911). Pamyati N.A. Maslakovtsa [In memory of N.A. Maslakovets]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Orenburg. 23: 262-266. [in Russian]
- Karasev, 1899** – *Karasev, A.A.* (1899). Donskie ataman za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv.* 5: 106-116. [in Russian]
- Karasev, 1908** – *Karasev, A.A.* (1908). Donskie kartinki [Don pictures]. Vol. 4. Novocherkassk. P. 21. [in Russian]
- Kornienko, 2009** – *Kornienko, B.S.* (2009). Donskoi ataman F.F. Taube: prevrashchenie imperskogo chinovnika v ikonu kazach'ego natsionalizma [Don ataman F.F. Taube: the transformation of an imperial official into an icon of Cossack nationalism]. *Ab Imperio.* 1: 227-257. [in Russian]
- Kornienko, 2013** – *Kornienko, B.S.* (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
- Maslakovets, 1899** – *Maslakovets, N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]
- Peretyat'ko, 2017** – *Peretyatko, A.Yu.* (2017). «My nenavidim vseyu siloyu nashego serdtsa rabskii proizvod, kotoryi tsarstvoval vo vsekh chastyakh Vashego upravleniya»: o prichinakh nepopulyarnosti atamana M.I. Chertkova na Donu [«We hate with the all force of our hearts slave tyranny, which reigned in every part of your governance»: about the reasons for the unpopularity of the ataman M.I. Chertkov on the Don]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* 48: 118-127. [in Russian]
- Petrovskij, 1916** – *Petrovskij, A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738–1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocherkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738–1916 gg.)]. Novocherkassk. P. 40. [in Russian]
- Rediger, 1999** – *Rediger, A.F.* (1999). Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra. Vol. II. M. P. 574. [in Russian]
- Semenov, Semenova, 1999** – *Semenov, V.G., Semenova, V.P.* (1999). Gubernatory Orenburgskogo kraja [Governors of the Orenburg Territory]. Orenburg. P. 397. [in Russian]
- Skorik, 2015** – *Skorik, A.P.* (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. P. 1184. [in Russian]
- Stoletie..., 1902** – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902]. T. 11. Ch. 1. SPb. P. 973. [in Russian]
- Tikidzh'jan, 1998** – *Tikidzh'jan, R.G.* (1998). Vojskovoj nakaznoj ataman, knjaz' N.I. Svyatopolk–Mirskij (1881–1898) [Voyskovoy ataman Prince N.I. Svyatopolk–Mirsky (1881–1898)]. *Don vremennik.* 1998. [Electronic resource]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (date of access: 11.04.2022). [in Russian]
- Usova** – *Usova, N.M.* Nakaznoi ataman Voiska Donskogo knyaz' Nikolai Svyatopolk–Mirskii – pervyi vladelets Mira iz roda Svyatopolk–Mirskikh. Materialy k biografii [Prince Nikolai Svyatopolk–Mirsky, chief ataman of the Don Cossacks, was the first owner of the World from the Svyatopolk–Mirsky family. Materials for the biography]. [Electronic resource]. URL: https://mir-nesvizh.com/wp-content/uploads/2016/01/usova_nakaznoj.pdf (date of access: 11.04.2022). [in Russian]
- Valuev, 1961** – *Valuev, P.A.* (1961). Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennih del. [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. II. 1865–1876. M. P. 592. [in Russian]
- Veremenko, 2020** – *Veremenko, V.A.* (2020). Women in the Service of Russian Ministry of Internal Affairs (second half of the XIX – early XX centuries). *Bylye Gody.* 57(3): 1202-1217.
- Volvenko, 2014a** – *Volvenko, A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860–1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great

reforms" (1860–1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. 16(3): 12-20. [in Russian]

Volvenko, 2015 – Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. 13(1): 19-37. [in Russian]

Volvenko, 2017 – Volvenko, A.A. (2017). Don Atamans of the Age of "Great Reforms" (the 1860s – 1870s). *Russkaya Starina*. 8(1): 34-54. [in Russian]

Volvenko, 2017 – Volvenko, A.A. (2017). Oчерки po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. Pp. 226. [in Russian]

Zharov, 2015 – Zharov, S.N. (2015). Osobennosti kadrovoy politiki pravitel'stva Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX vekov [Specific features of personnel policy of the Russian empire government in the late XIX – early XX centuries]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 3(6): 83-86. [in Russian]

Zhukovskii, 2013 – Zhukovskii, V.A. (2013). Dnevnik. Zapisnye knizhki (1834–1847) [Diaries. Notebooks (1834–1847)]. M. P. 323. [in Russian]

Анализ кадровой политики имперской власти в отношении атаманов Войска Донского (1848–1917 гг.)

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу кадровой политики имперской власти в отношении атаманов Войска Донского неказачьего происхождения. С 1848 по 1917 гг. должность донского атамана занимали исключительно генералы регулярной армии. Хотя в последние десятилетия их фигуры начали привлекать внимание исследователей, кадровая политика имперской власти в их отношении до настоящего времени не анализировалась.

В статье показано, что донскими атаманами назначались обычно генерал-лейтенанты в возрасте от 48 до 56 лет (11 случаев из 13). При этом их предыдущая деятельность могла быть совершенно различной: в числе атаманов есть как кавалеристы, так и пехотинцы, как люди с административным опытом, так и люди, его вовсе лишенные. Автор приходит к выводу, что кадровая политика имперской власти постепенно деградировала. Первоначально донскими атаманами назначались исключительно кавалеристы с административным опытом, либо уже служившие в регионе, либо являющиеся популярными фигурами имперского масштаба. Однако затем, с рубежа 1860–1870 гг., должность донского атамана начинает трактоваться как рядовая генерал-лейтенантская вакансия, и на нее назначают любых генерал-лейтенантов, вплоть до пехотинца без административного опыта. Кроме того, если для XIX в. были характерны долгие атаманства, позволяющие атаману заниматься долгосрочными проектами, то в XX в. имперские власти начинают постоянно менять атаманов, не давая им ни инкорпорироваться в местную элиту, ни проявить себя, за исключением одного случая.

Ключевые слова: донское казачество, донские атаманы, атаманы неказачьего происхождения, кадровая политика, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)